

С.А.Маленко

МИСТИКА ДОМА И МИФОЛОГИЯ ОСЕДЛОСТИ: К ОНТОЛОГИИ АМЕРИКАНСКОГО ФИЛЬМА УЖАСОВ

Рассматривается становление идейной платформы американского фильма ужасов, которая опирается на интеллектуальные и мистические традиции древних цивилизаций. Наличие нескольких пластов интерпретации позволяет обнаружить глубинные социокультурные противоречия, выраженные в художественно-символической и аллегорической формах, что сближает фильм ужасов с мистическими учениями древности. Это происходит и за счет того, что оба явления основаны на идее исключительно индивидуального переживания и понимания законов мироустройства. Фильм ужасов формирует мифологию дома, которая не только индивидуалистична, но является наиболее ёмким способом представления земледельческих по способу хозяйствования и оседлых по форме принципов воспроизводства человеческого общежития, а также представлена спектром сакральных и мистических повествований, пытающихся наполнить архетипическими смыслами тайны антропосоциогенеза.

Ключевые слова: мистика дома, мифология оседлости, сакральная символика, повседневность, американский фильм ужасов, массовая культура, противодействие социокультурным угрозам

Американский фильм ужасов лишь с одной стороны кажется специфическим художественным опытом современной массовой культуры. Досуговая и развлекательная доминанта массового кинематографа, в то же время, имеет под собой более солидную идейную платформу, уходящую своими корнями в интеллектуальные и мистические традиции, возникшие ещё в эпохи древних цивилизаций. Художественный текст хоррор-повествования является закодированным сообщением, смыслы которого никогда не лежат на поверхности и не могут быть редуцированы к исключительно ужасным переживаниям. Вычленение таких кодов выступает сложной эстетической, семиотической и психоаналитической проблемой, а потому требует проведения комплексного, междисциплинарного, сравнительного исследования. Его результаты позволяют констатировать, что фильм ужасов предстаёт сложной символической тканью, структура которой всегда предполагает наличие нескольких пластов интерпретаций. Как уже отмечалось, очевидность страха и ужаса является первичной попыткой шокового привлечения внимания зрителей к глубинным социокультурным противоречиям, системно игнорируемым современной цивилизацией, которые, в силу этого могут быть выражены лишь в художественно-символической и аллегорической формах. Поэтому диалектика «явного» и «глубинного» в американском фильме ужасов актуализирует традиции мистического осмысления тайн культурного, природного и божественного бытия. При этом, как сама мистика, так фильм ужасов, основываются на идее исключительно индивидуального переживания и понимания законов мироустройства, надёжно сокрытых от невежественного, поверхностного и безответственного обывателя.

К наиболее распространенным символам голливудской традиции фильмов ужасов следует отнести образ дома как первичной среды зарождения и развития жизни, которая протекает в непосредственном, интимном взаимодействии близких по крови и духу людей. Подобная домашняя модель общения становится непременным условием формирования первичных институциональных способов организации социальности, а также проекцией органической солидарности оседлой цивилизации. Поэтому мифология дома является наиболее ёмким способом представления земледельческих по способу хозяйствования и оседлых по форме принципов воспроизводства человеческого общежития. Она представлена огромным спектром сакральных и мистических повествований, пытающихся наполнить архетипическими смыслами тайны антропосоциогенеза.

Например, в гностической традиции «священные дома», такие, как пирамиды, были напоминанием о Доме Мудрости, который руководствуется законами природы и «покоится на квадрате, углами которого являются Sigh [...], Молчание; Bugoz [...], Глубина; Nooz [...], Разум; Alhgeia [...], Истина» [1, с. 144]. Таким образом, стороны дома символизировали стороны света, которые представляют «противоположности тепла и холода (юг и север) света и тьмы (восток и запад)» [1, с. 144]. Воспоминая исследования К.Г.Юнга, следует сказать, что уже сам фундамент дома указывает на символизм «кватерности» как один из возможных результатов феноменологии архетипа «Самости», воплощая центристский характер развития коллективного опыта, отражённого в индивидуальных мифологиях. Сакральность дома выражается ещё и в том, что он концентрирует в себе сущностные стороны натуры хозяина, а если он выполняет сверхсоциальные и транскультурные миссии, то и сама его обитель становится средоточием всей Вселенной и Мироздания.

Так, например, эта мифология «оседлой» жизни богов представлена в мифических сюжетах о жившем в Абидосе царе загробного мира и верховном судье душ умерших, египетском боге Осирисе [2, с. 267], о греческом Олимпе [3, с. 252], о скандинавском Асгарде [2, с. 112], о счастливом и блаженном острове Дильмун [3, с. 512] в шумеро-аккадской традиции [3, с. 247-253], о кельтском острове блаженных Аваллоне [2, с. 23], о «земле, лежащей посередине вод» в ацтекских преданиях о богах [2, с. 97], о мировой горе Меру в древнеиндуистских мифах [2, с. 311-314], об обители Брахмалока, в которой, согласно древнеиндийской

легенде жил Брахма [2, с. 186], о Гаронмане, обители богов в горах Харати в иранской мифологии [2, с. 266], о Гунунг Агунге, обители балийско-индуистских богов [2, с. 341], о Кайласа, обители бога Шивы в Индуистской мифологии [2, с. 610], о Поупе, цветущей, священной горе в мифологии германцев [3, с. 327], об острове Пэнлай — райской обители в даосской китайской мифологии [3, с. 356] и многих других сакральных текстах.

Также непосредственная связь божественного и человеческого миров просматривается в том, что именно дом является не только пространством общения героев фильмов ужасов с богами и их посланниками, но и местом встречи обычных людей — родственников, друзей, гостей и т.д.

Кроме того, Дома, или как их ещё называют в астрологической традиции «солнечные дворцы» — это места расположения зодиакальных созвездий, влияющих на судьбы людей, живущих на земле. [1, с. 188]. Так, например, созвездие «Рака» было названо так потому, что «солнце, проходя через этот дом, начинает двигаться в возвратном направлении [...]» [1, с. 192]. Точно так же характеризуются и времена года, когда «солнечный шар начинает своё паломничество к дому зимы» [1, с. 193], осени, весны, лета. Кроме этого «домами» именуются различные состояния Солнца — его жизнь и смерть [1, с. 193]. Таким образом, «дома зодиака становятся тронами двенадцати небесных иерархий, или, как утверждали некоторые древние мудрецы [Пифагор — авт.], десяти божественных порядков» [1, с. 298]. Онтологический характер параметров дома чётко просматривается и при изучении табличек Исиды, приобретенных римским кардиналом Пьетро Бембо в 1527 г. при загадочных обстоятельствах. Именно на них сидящая на троне Исида, воплощавшая в древнеегипетской мифологии универсальность бытия, опирается на собственный «дом из материальных субстанций» [1, с. 214]. Показательно, что как раз посредством такой атрибуции дом из обычной конструкции для жилья превращается в особое антропологическое состояние материи и бытия в целом.

Афористичные высказывания Пифагора также не обошли стороной тему дома. Так его шестой афоризм предупреждает: «Не возвращаясь в дом покинутый, иначе фурии будут твоей компанией. Пифагор здесь предупреждает, что если человек, начав поиски истины, и изучив некоторые таинства, попытается вернуться на свой путь порока и неведения, он претерпит страшные страдания» [1, с. 252]. В восьмом — греческий мудрец вновь возвращается к этой теме: «Не позволяй ласточкам селиться в своем доме. Это предупреждение искателю истины, чтобы он не позволял проникать в свой ум блуждающим мыслям или же входить в свою жизнь людям, не способным к духовному изменению. Он должен окружать себя рационально мыслящими людьми и сознательными работниками» [1, с. 252]. Подобные рассуждения древнего мыслителя относятся, скорее всего, к стремлению рассматривать образ дома как символ упорядоченной и осознанной мысли, которая свободна от стереотипов, а также требует определённого социального окружения, поддерживающего процесс поиска и переживания истины как определённого рода мистического опыта.

Более того, в древних философских и эзотерических традициях можно обнаружить, что домом называется человеческое тело по аналогии с храмом, как домом Бога — «тело человека должно рассматриваться не как личность, а как дом для личности [...]». В состоянии грубости и извращения человеческое тело есть могила или тюрьма божественного принципа; в состоянии же развертывания и возрождения — это дом или святилище божества, чьей творческой силой он обустроен» [1, с. 286-287].

Позднее, в период становления и последующего доминирования христианской символической традиции было сделано всё возможное для дискредитации античной парадигмы отношения к телесности. Так в посланиях Апостола Павла четко разграничивается специфика телесного и духовного: «Дела плоти известны, они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны,) ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» [4, Гал.5: 16-24].

Здесь, хотя и в достаточно мягкой форме, но предельно чётко обозначена идеологическая установка раннего христианства на разделение тела и духа, которая спустя несколько столетий доводится до абсолюта, закономерно вырождаясь в неразрешимое противоречие. Кроме бестелесного Бога, адептами христианства были предприняты теоретические, а в лице Святой Инквизиции и беспрецедентно ужасные практические шаги по уничтожению и вытеснению возвышенных античных отношений между Земным и Небесным, Божественным и Человеческим, Природным и Социальным, Духовным и Телесным. В итоге тело на многие века было провозглашено извечным источником греха и объектом всестороннего дисциплинарного воздействия, как со стороны церкви, так и со стороны государства и общества.

Таким образом, становление христианской символической доктрины, посредством производства спекулятивных дискурсов привело не только к дискредитации телесности в европейской культуре, но к ментальной и физической деградации тела как естественного материального воплощения архетипической Самости. Телесный опыт был официально признан несущественным или даже вредным, а индивидуальные практики познания телесной реальности стали квалифицироваться как греховные, еретические, а то и вовсе преступные. Таким способом христианские догматики не только нейтрализовали значительную часть потенциальной опасности, исходящей от природы человека, но и максимально отстранили жизнь обывателя от античного мироощущения, представленного, в том числе, мистической и эзотерической традициями. Сформировав и зафиксировав разрыв между временами и идеями, христианство создало условия не только для внутреннего раскола человека, и самой церкви, но и подготовило почву для разрушения традиционных антропологических практик. По сути дела, разрушив телесность, христианские идеологи сформировали

устойчивое противоречие между телом и домом как пространством его повседневного бытия, «в котором когда-то проживала наша физическая сущность» [5]. При этом дом совершенно закономерно утрачивает языческие по своей природе сакральные и космогонические функции, теряет статус хронотопа, в котором зарождается и апробируется коллективный опыт и становится лишь временным прибежищем греховного тела. Дом все более конституируется как «крепость» для защиты от внешних опасностей, как место временного пребывания человека между трудами и молитвами, лишенное миссии рождения, заботы и духовного воспитания новых поколений. Эти возвышенные родовые задачи как раз в этот исторический период начинают все больше передаваться формирующимся институциональным по форме и дисциплинарным по содержанию пространствам: церквям, монастырям, больницам, казармам, школам и тюрьмам.

В то же время согласно идеям мистической традиции, обобщенным в книге Д.Форчун «Тайное без вымыслов. Элифас Леви. Учение и ритуалы высшей магии», дом «столь же существенен для ребенка, как и гнездо для птенцов. Ибо в доме, и только в доме может он получать необходимые магнетические условия для своего развития. Под влиянием непосредственного магнетизма материнских рук ребенок получает существенно важные духовные витамины в раннем возрасте своего детства. Позже, в атмосфере отцовской гордости и защищенности, он ощущает существенное влияние для развития и становления как социальной личности» [5].

Христианская интерпретация телесности и дома как среды ее формирования и поддержания активно распространяется не только на религиозную сферу. При поддержке государственной власти она становится канонизированным образцом, на который в принудительном порядке ориентируются все сферы средневекового общества. Кстати говоря, именно страх в этих манипуляциях начинает играть все более значительную роль, успешно конкурируя с верой и знанием в борьбе за ментальное и духовное пространство человека. На этом фоне древнейшие мистические традиции, органично связывавшие в своих идеях человека, общество и природу, почти окончательно утрачивают свой возвышающий потенциал и в обывательских представлениях окончательно сплетаются только лишь с непонятным, а значит, греховным, страшным и ужасным.

Греховная телесность подвергается дальнейшей институализации, становясь одним из ведущих содержаний социализации и инкультурации, что необратимо сказывается на формализации и дискредитации роли дома в становлении ценностного мира культуры. А демонстративная поляризация повседневности, представленной роскошными замками и дворцами, с одной стороны, а с другой, ветхими деревенскими лачугами и теснинами городских рабочих домов, приводит к необратимой секуляризации сферы повседневности европейского обывателя. Подобный многовековой формат социокультурного пространства, несомненно, подготавливает почву для становления светского государства, которое законом и правом закрепляет результаты крушения древнейших символических парадигм в трансформирующейся религиозной картине мира.

Логика этого процесса с необходимостью приводит к интерпретации дома как исключительно функционального пространства, которому в рамках производственного цикла отводится функция рефлекторного торможения, восстановления работоспособности и производства новых поколений рабочих. Эти «исторические» задачи накладывают отпечаток, как на внешние, так и внутренние параметры человеческих жилищ. В то время как топология деревенской и сельской среды практически не изменялась тысячелетиями, городское пространство оказалось подвержено постоянным реновациям, к которым все более невротизирующийся человек так и не научился адаптироваться как на духовном, так и на телесном уровнях.

В совокупности эти установки были типичными для европейской континентальной ментальности, которая механически переносилась во вновь открываемые геополитические и социокультурные пространства в ходе колониальных захватов. В то же время национальный, политический, культурный и природный геноцид, устроенный европейцами на колонизируемых континентах накладывает неизгладимый отпечаток на организацию повседневности, мировоззрение и мифологию пространства всего Нового света. Форты и первые «тауны» колонистов на многие столетия стали ареной их кровопролитной борьбы на два фронта: с одной стороны, с претензиями метрополий, с другой — с коренным населением североамериканского континента. Подобная модель конфликтной колонизации сформировала агрессивную городскую ментальность будущей страны, наложила неизгладимый отпечаток на её повседневность, религию, культуру, экономическое и политическое устройство. Эта же модель стала как вытесненной основой американского урбанизма в целом, так и источником глубинного комплекса вины всех последующих поколений американцев за грабежи, разбой и «за миллионы уничтоженных людей» [7, с. 151], и экоцид в отношении природы континента. Именно этот комплекс и сформировал поколенческий страх оседлого американца-обывателя, ведущим коммуникативным ресурсом которого на столетия стал легендарный «кольт-миротворец» — символ покорения Дикого Запада и миссионерского порабощения индейских племен.

Во многом, поэтому американские городские здания, официальные учреждения или бытовые помещения, за несколько последних столетий, начиная с позднего средневековья и до начала XX века, демонстративно «освободились» от подражающей природе художественной модели, и превратились в прямоугольные параллелепипеды. Они сохранили от храмов, церквей и замков только идею замкнутого крепостного пространства, в котором четыре стены, пол и потолок фактически представляют “modus vivendi” современного «безопасного» дома. Присущая ему демонстративная функциональность настолько деформирует характер его «внутреннего мира», что в нём начисто отсутствуют недоступные жильцам фрагменты пространства (подвалы, сараи, чердаки, скрытые комнаты, перекрытия, кладовые и т.д.), которые всегда связывались с присутствием

скрытых, тайных сил, организующих и поколенчески ретранслирующих мистическую связь дома и его обитателей. Именно таким образом веками воспроизводился миф о неразрывной связи и мистической сопричастности поколений, который подвергается окончательному развенчанию с созданием технологий панельного, блочного и монолитного строительства, а также системы «умного дома», которые делают внутреннее пространство жилища всегда визуальным доступным и контролируемым в полном объёме.

Не следует забывать, что все традиционные дома несли на себе отпечаток природной среды, исторически сложившегося типа хозяйствования, что предопределяло конструктивные особенности этих сооружений и характерный для таких условий образ жизни обитателей. Это давало повод для антропоморфизации всего жилого пространства дома и придомовой территории (двора) и заселения их мистическими существами, охраняющими усадьбы и подворья так же ревностно и самоотверженно, как родители берегут своих детей. Такая идея служила поводом к созданию представлений о целостности общества, понимаемого как среда органической преемственности времён и поколений.

Современное городское пространство игнорирует эти архаические потребности человека в создании живого, одухотворённого места как бессознательной символической проекции внутреннего мира человека. Наоборот, оно умышленно акцентирует внимание на универсальности, простоте организации жилья. Поэтому стандартная среда проживания требует и стандартных моделей управления, а также стандартизированного обывателя, который удовлетворяется простыми архитектурными решениями, сервильностью бытовой техники и доступностью городской инфраструктуры. В таких условиях у городского американского обывателя не возникает самой потребности в поиске дополнительных ресурсов символизации и осмысления собственной повседневности. Его эмоциональное состояние всегда колеблется в соответствии с ритмами производственного цикла и регулируется средствами массовой информации.

В то же время потребность в ярких впечатлениях всегда остаётся, поэтому кинематограф как технологическая новинка с самого начала своего существования пытается компенсировать одномерность жизни американского обывателя. Причем, именно появление фильмов ужасов стало не просто формальным ответом Голливуда на запросы массового зрителя, но оказалось наиболее неординарной формой реакции на накопившиеся внутренние противоречия культуры. Господство институционального формализма привело к повсеместной деградации сферы повседневности, что и обусловило стихийные попытки кинематографической сублимации всего комплекса эмоциональных реакций обывателя на вытеснение индивидуальных способов освоения природной и социальной реальности. Именно они традиционно являлись предметом оккультных и мистических учений, а их неизменное присутствие в разные исторические эпохи указывало на насущную необходимость установления адекватного баланса между социальными и исключительно индивидуальными формами освоения бытия.

Опыт индивидуального переживания кинематографических хоррор-историй, в которых опустевшие, разорённые, преданные и взбунтовавшиеся дома встают на путь кровавой мести окружающим, актуализирует мистический опыт древних, поруганных традиций. Эти образы лишенного тела, духа, дома и привычной природной среды человека, подобно джинну, выпущенному из бутылки, способны «оживить» в пространстве современной американской потребительской ментальности любые архаические мифологии. Их появление, в условиях информационной цивилизации, свидетельствует о невозможности сочетания общесоциальных, корпоративных и индивидуальных способов объяснения истории происхождения и развития мира. Именно поэтому эти образы приобретают исключительно деструктивный, бунтарский, криминальный характер, поскольку, «Сверх-Я» цивилизации начисто блокирует саму возможность индивидуальных форм переживания и осознания контактов с миром.

В силу этого современный онтологически «бездомный» потребитель только посредством переживания «домашних ужасов» в американских хоррор-фильмах, может осознать трагичность своей судьбы, лишенной дома как архетипического пристанища поколений. К сожалению, значительная масса голливудских хоррор-историй заканчивается весьма однозначно — разрушением или уничтожением дома и гибелью последних людей, посвящённых в его Тайну. Так фильм ужасов лишает потребителя даже призрачных шансов на многозначную интерпретацию идеи хоррор-повествования, максимально обостряя реально существующую проблему монолога государства со стандартным, лишенным индивидуальности, обывателем. Подобная стратегия американских фильмов ужасов наглядно демонстрирует «эффективность» использования древних мифологий и культурного опыта цивилизации для создания гомогенной зрительской аудитории» [6, с. 138], а также деструктивную направленность мистического опыта освоения цивилизации оседлого, земледельческого типа, вступившей в непримиримый конфликт с кочевой цивилизацией.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00129.

1. Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 864 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. А-К. М.: Советская энциклопедия, 1991. 671 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. К-Я. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.
4. Библия. Книги Священного Писания и Нового завета. Канонические. Объединенные библейские общества, 1992, Новый Завет. 1224 с.
5. Форчун Д. Тайное без вымыслов. Элифас Леви. Учение и ритуал высшей магии [Электр. ресурс]. М.: REFL-book, 1994. 384 с.

- URL: https://royallib.com/book/forchun_dion/taynoe_bez_vimislov.html (дата обращения: 15.04.2018).
6. Маленко С.А., Некита А.Г. «По лезвию ножа»: технология управления страхом в массовой культуре // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2018. Т. 7. № 1(9). С. 131-139.
 7. Маленко С. Фільми жахів: криза інструментального розуму як виховна проблема // Гуманітарна складова вищої освіти: досвід і проблеми: Матеріали Міжнародної наукової Інтернет-конференції, Київ, 29 травня 2018 р.: Тези доповідей. Київ: НУХТ, 2018. С. 151-153.

References

1. Hall M.P. Ehntsikopedicheskoe izlozhenie masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkrejtserovskoy simvolicheskoy filosofii [Encyclopedic exposition of Masonic, hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian symbolic philosophy]. Moscow; Saint Petersburg, 2007. 864 p.
2. Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world] in 2 vols, vol. 1, A-K. Moscow, 1991. 671 p.
3. Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world] in 2 vols, vol. 2, K-Ya. Moscow, 1992. 719 p.
4. The Holy Bible. Ob"edinennye bibleyskie obshchestva Publ., 1992. 1224 p.
5. Forchun D. Taynoe bez vymyslov. Ehlfas Levi. Uchenie i ritual vysshey magii [Secret without fiction]. Moscow, 1994. 384 p. Available at: https://royallib.com/book/forchun_dion/taynoe_bez_vimislov.html (accessed: 15.04.2018).
6. Malenko S.A., Nekita A.G. "Po lezviyu nozha": tekhnologiya upravleniya strakhom v massovoy kul'ture ["On a knife blade": technology of management horror in the mass culture]. Vestnik Novgorodskogo filiala RANKhiGS, 2018, vol. 7, no. 1(9), pp. 131-139.
7. Malenko S. Fil'mi zhakhiv: kriza instrumental'nogo rozumu yak vikhovna problema [Horror movies: crisis of instrumental mind as an educational problem]. Proc. of "Gumanitarna skladova vishchoi osviti: dosvid i problemi", Kiiv, 29 travnya 2018 r. Kiev, 2018, pp. 151-153.

Malenko S.A. House mystics and the mythology of settlement: towards horror movie ontology. The article analyses the formation of the ideological platform of the American horror movie, which is based on the intellectual and mystical traditions of ancient civilizations. Coded movie messages carry meanings that never lie on the surface of social experience and can not be reduced to the horror feelings of audience. The presence of several layers of interpretation allows us to find deeper socio-cultural contradictions, expressed in artistic, symbolic and allegorical forms, which unites the horror film with the mystical teachings of antiquity. This is due to the fact that both phenomena are based on the idea of an exclusively individual experience and understanding of the world order's laws. Horror movie creates a mythology of the house, which is not only individualistic, but is the most full way of presenting the agricultural method of farming. It is also set in a range of sacred and mystical narratives, trying to fill the archetypal meanings of the mystery of anthroposociology.

Keywords: house mystics, the mythology of settlement, sacral symbolism, everyday life, horror film, popular culture, and combating socio-cultural threats.

Сведения об авторе. С.А.Маленко — доктор философских наук, доцент, заведующий отделением философии и культурологии, заведующий кафедрой теории, истории и философии культуры, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; olenia@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2018.